

Гипотетическая модель просодии регистра научной речи

© доктор филологических наук М. В. Давыдов,
кандидат филологических наук Е. В. Яковлева, 1998

Прежде чем обратиться к анализу речи конкретных английских лекторов с точки зрения соотношения внешних и внутренних просодических образов, представляется целесообразным обобщить уже имеющиеся в лингвистической литературе наблюдения относительно специфики научного стиля в противопоставлении остальным стилям. Следует подчеркнуть, что в данной статье для нас в первую очередь важны работы, не вообще освещающие тот или иной аспект интересующей нас многогранной проблемы (таких работ достаточно много(1)), а работы обобщающего характера, которые хотя бы и с использованием терминологически иных подходов давали бы достаточно полное представление об интересующих нас вопросах.

Казалось бы, что многолетние исследования научного стиля, лежащего в основе изучения английского языка на филологическом факультете МГУ, выполненные и выполняемые до сих пор учеными кафедры английского языкознания, уже дают достаточно полное представление о письменной форме, а в целом ряде случаев и устной форме этой разновидности английской речи, и мы могли бы подвергнуть обобщению именно этот материал. Однако, во-первых, обобщающих работ именно в интересующем нас плане, как оказалось, практически нет и по этой причине наше собственное исследование абсолютно необходимо (хотя, конечно, все уже имеющиеся частные наблюдения, разумеется, нами уточнены и включены в соответствующую часть исследования) и во-вторых, нам показалось интересным и даже необходимым познакомиться с взглядами других школ и направлений в нашей стране, с которыми нас в целом объединяет общность методологических позиций.

Следует сразу признать, что работ, которые бы представляли бы для нас значительный интерес в плане *полноты* освещения интересующих нас вопросов, не так уж много.

Вот почему в качестве основного материала в данной статье для предварительного обсуждения специфики английской научной речи с точки зрения соотношения в ней внешних и внутренних образов была

взята книга Н.М. Разинкиной “Стилистика английской научной речи”, где основное внимание уделяется именно проблеме “элементов эмоционально-субъективной оценки” на фоне обще-рационального (научного) мышления, для которого, по мнению большинства исследователей, характерна нейтральность просодического выражения (2).

Книга Н.М. Разинкиной была опубликована более, чем двадцать лет назад, но это ни в коей мере не умаляет ее достоинств: во-первых, здесь собраны с максимальной полнотой высказывания русских и зарубежных лингвистов о соотношении логического и эмотивного в научном языке и, руководствуясь принципом, что “новое — это хорошо забытое старое”, мы совершенно сознательно считаем возможным опереться на уже имеющийся багаж соответствующих фактов и теоретических предположений по поставленной проблеме. И во-вторых, поскольку Н.М. Разинкина исследовала стиль естественно-научных статей, публиковавшихся в журнале “Nature”, мы сочли небезынтересным ознакомиться с этим материалом, который занимает *промежуточное* положение между теми разновидностями научного стиля, где интеллективная функция выражена наиболее прямолинейно и всеобъемлюще (как, например, в текстах по математике) и научными работами по филологии, которые, предположительно, если исходить из предмета изучения, должны ближе стоять к собственно художественной литературе.

Несмотря на то, что о выделении единого стиля общенаучного языка говорилось еще в работе Л. Ольшки, опубликованной в 30-х годах текущего столетия (3), а у создателя теории функциональных стилей академика В.В. Виноградова научный стиль выделяется в отдельный функциональный стиль, поскольку основной функцией здесь является функция *сообщения*, в работе “Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования” под редакцией О.С. Ахмановой и М.М. Глушко совершенно справедливо подчеркивается, что “не всегда и не в достаточной степени учитывается *неоднородность общенаучного текста* (с.8, курсив – наш)”. На одном полюсе, как об этом пишет П.Н. Денисов, находятся языки математики и логики, которые пронизывают все науку в целом. Соотношение искусственных элементов и “рассказа” на естественном языке оказывается определяющим для разновидностей языка науки вообще.

Действительно, если мы обратимся к отрывку из книги Норберта Виннера “Cybernetics of Control and Communication in the Animal and the Machine.”(New York – London, 1961), который приводится в книге

И.В. Арнольд (4) в качестве образца научного текста, то мы убедимся, что он крайне беден с точки зрения интересующей нас образности:

“Today we are coming to realise that the body is very far from a conservative system, and that its component parts work in an environment where their available power is much more limited than we have taken it to be. The electronic tube has shown to us that a system with an outside source of energy, almost all of which is wasted, may be a very effective agency for performing desired operations, especially if it is worked at a low energy level. We are beginning to see that such important elements as the neurons, the atoms of the nervous complex of our body, do their work under much the same conditions as vacuum tubes, with their relatively small power supplied from the outside by the circulation, and that the book-keeping which is most essential to describe their function is not one of energy. In short, the newer study of automata, whether in the metal or in the flesh, is a branch of communication engineering, and its cardinal notions are those of message, amount of disturbance or “noise” – a term taken over from the telephone engineer – quantity of information, coding technique, and so on.”

Вместе с тем нельзя не согласиться с И.В.Арнольд, что в принципе “неповторимая индивидуальность большого ученого неизбежно скажется на языке, уменьшая стереотипность, приближая текст у художественному.”

Но эта интересная мысль, высказываемая И.В.Арнольд не получает развития далее в ее книге, поскольку главной ее целью было показать с помощью приведенного отрывка реализацию функции сообщения (с этим она отлично справилась), основное же внимание она уделяет художественной литературе .

В книге О.С. Ахмановой и М.М. Глушко подчеркивается, что проблема соотношения “логики и чувств” в научном стиле является одной из наиболее спорных (с.14). Так, например, Р.А. Будагов считает, что трудности, возникающие при использовании разнообразных стилистических средств, “присущи не самому научному стилю, а людям, не умеющим ясно и просто излагать свои мысли.” Однако имеется и другое мнение, согласно которому научная проза не должна быть эмоционально окрашенной, не должна пользоваться чисто литературными приемами, автор должен сдерживать свои чувства (Ibid., с.14). Понятно, что если Н.М. Разинкина в качестве предмета своего исследования избирает такую довольно “скользкую” тему, то она прекрасно осознает, что важность соответствующих элементов в научной речи достаточно велика, что без изучения роли этих элементов любое сообщение на языке науч-

ной прозы будет в той или иной степени ущербным и, во-вторых, она пыгается (насколько это возможно на соответствующем этапе развития науки) разобраться в тех сложностях, которые возникают на пути исследования данной проблематики.

Сразу оговоримся, что хотя автор формально и дает себе отчет в том, что просодия играет важную роль при обсуждении любых проблем эмоционально-оценочных элементов речи (приводятся цитаты из наиболее авторитетных источников), выполненный автором весьма подробный анализ и сделанные выводы основаны фактически целиком на письменной речи, не упоминается даже о существовании внутренних слуховых образов. В этом смысле И.В. Арнольд имеет явное преимущество перед М.Н. Разинкиной, поскольку в этой работе просодии уделяется большее внимание (в частности, функции ритма и звукового символизма). Нельзя не согласиться с автором, что “читатель ощущает почти физически” соответствующие слуховые образы (5)”. Тот факт, что М.Н. Разинкина не учитывает практически влияние просодии (интонации) при обсуждении эмоционально-оценочной лексики, является не исключением, а скорее всего правилом для большинства авторов, обсуждающих аналогичные стилистические проблемы. Именно поэтому для нас материал, анализ и выводы, представленные Н.М. Разинкиной, являются богатным материалом. Они не могут быть признаны окончательными, не подлежащими дальнейшему обсуждению и безусловно требуют как-бы дополнительного “просвечивания” их сквозь призму просодических категорий.

Как положительное качество книги Н.М. Разинкиной мы должны отметить ее стремление к взвешенности подхода, и это, прежде всего, отражается в теоретической части, где автор оценивает соотношение между «разумом и чувством» в научном стиле речи (глава 2-я под заглавием “Преломление эмоциональных явлений в стиле научной прозы”). С одной стороны, автору хотелось бы как можно ярче и четче противопоставить стиль научный и стиль художественный, тем более, что такие крупные ученые как Б.В. Томашевский (6), Л.В. Щерба (7) и некоторые другие, казалось бы, говорят о необходимости *четкости* при разграничении различных стилей речи. М.Н. Разинкина в этой связи приводит высказывание Б.В. Томашевского о том, что “большей точности и определенности значения сопутствует наименее выраженная экспрессия и обратно”. Цитата, приведенная из книги Л.В. Щербы звучит следующим образом: “Всякое неуместное со стилистической точки зрения употребление слов разрушает стилистическую структуру языка, а язык с разру-

шенной стилистической структурой то же, что совершенно расстроенный музыкальный инструмент, с той только разницей, что инструмент можно немедленно настроить, а стилистическая структура языка создается веками”.

Заметим однако, что приведенные высказывания Б.В. Томашевского и Л.В. Щербы вряд ли следует однозначно понимать как призыв к *замкнутости* того или иного стиля. Гораздо более ясно в пользу именно такого разграничения стилей высказывается Э.Г. Ризель, на которую также ссылается Н.М. Разинкина: “Научный и художественный стили речи демонстрируют полярность не только такой стилевой черты, как образность – отсутствие образности, но также и полярность типа: субъективная оценочность – объективная нейтральность; динамичность – статичность; явно выраженная индивидуальность – отсутствие индивидуальности(8)”. Если к такого рода обобщениям добавит то, что “по понятийно-экспериментальным данным психологов, для понимания значения слова понятийно-логического плана требуется в два с половиной раз меньше времени, чем для возникновения образа”, то выходит, что чем более замкнутым (от проявления воздействий чувств) является научный стиль, тем лучше он выполняет свою функцию (?).

С другой стороны, сам материал, исследуемый М.Н. Разинкиной, вступает в противоречие с изложенными выше постулатами, а с фактами нельзя не считаться. Кроме того, в теории языка существует и противоположная точка зрения на излагаемый предмет, и Н.М. Разинкина не проходит мимо этих мнений таких крупных ученых, как например, Ж. Вандриес (“Логический язык никогда не бывает свободным от аффективного (9)”, А.М. Пешковского, считавшего что эмоциональные моменты не могут быть поставлены наравне с моментами интеллектуальными и т.д. и т.п. Между прочим, у Л.В. Щербы, оказывается, есть и явные высказывания в пользу взаимодействия логического и чувственного планов мышления: М.Н. Разинкина приводит в этой связи одно из его положений о том, что “всякое понятие лучше всего выявляется из противоположений (т.е. с *эмоциональными явлениями* — курсив наш)”.

Что же касается психологов, то и здесь рассматриваемая проблема имеет и другое толкование. Вряд ли можно что возразить против того факта (тоже подтвержденного *экспериментально!*), что “мысль, заостренная чувством, сильнее убеждает, чем “объективная”, равнодушная, безразличная”. Кроме того, как отмечает М.Н. Разинкина, русский психолог Н.Я. Грот еще в прошлом столетии говорил, что “нельзя противопоставлять чувства уму, мышлению как нечто совершенно относительное,

индивидуальное или, как часто говорят, субъективное (10)”. Кстати к уже упомянутым соображениям по поводу взимопроникновения логического и эмоционального М.Н. Разинкина добавляет еще один неоспоримый факт, а именно, что “одной из основных причин, объясняющих проникновение эмоциональных элементов в научную прозу, следует считать научную полемику. В условиях полемики, которая так же стара, как и сама наука, элементы эмоциональной лексики имеют, в частности, своей целью снизить те понятия, против которых направлен полемический удар. Poleмика всего отчетливее передает темперамент, личные особенности и странность каждого участника спора”.

Как нетрудно заметить, хотя бы из приведенных М.Н. Разинкиной цитат, она *намеренно* заостряет противоречивость суждений относительно стиля научной речи (поскольку во многих цитатах авторы говорят вообще-то о разных вещах), с тем чтобы затем попытаться снять это противоречие. Отмечая некоторые качества научного стиля, касающиеся эмоциональных элементов, которые на первый взгляд снимают это противоречие, делают исследуемый стиль практически *замкнутой системой*, автор сама склоняется, в конечном итоге, к такому выводу. “Научное изложение” — пишет М.Н. Разинкина — “воспроизводит образы, но логические суждения, поставленные в причинно-следственную взаимосвязь. Иначе говоря, научный и художественный стили различны по своим установкам на экспрессивное и эмоциональное качества.

Отсутствие образности и художественности, “изящества” формы в стиле научной прозы не означает, однако, что язык научной работы не является предметом обработки. Стремление к точности и логической последовательности в изложении мысли, достижение средств максимальной убедительности путем ясно построенной системы доказательств – вот те задачи, которые подчиняют себе требование обработанности научного изложения.”(Ibid.,с.36)

Но как в этом случае быть с эмоциональными элементами научного стиля? На это Разинкина дает несколько ответов. Сначала автор подчеркивает относительную *редкость* появления таких элементов в стиле научной прозы: “Точнее, однако, было бы говорить не об *отсутствии* эмоциональных элементов, а о том, что стиль научной прозы *тяготеет* к речевым средствам, лишенным эмоциональной нагрузки.”(Ibid., с.30) Далее: ”Эмоциональная оценка может проникать в научную литературу при определенных условиях *ограничительного характера*.”(Ibid., с.31) и “Своеобразное *преломление* эмоционального в научной литературе по-

звонит сохранить единство стиля научной прозы (как определенным образом замкнутой системы.”(Ibid., с.34; курсив – наш)

Но такого рода ответы общего характера менее интересны и убедительны (мы уже говорили о *неоднородности* научной прозы), чем тот, на котором мы хотим сейчас остановиться.

1. Широта семантики

Здесь автор опирается на мнение Л.В. Щербы о том, что всякое употребление слов в ином контексте, чем тот, который определяется оттенком их группы, может вызывать тот или другой *стилистический эффект*. В чем же выражается “своеобразное преломление эмоционального”? Что при этом происходит? “Слова эмоционального значения”, — пишет Н.М. Разинкина – “попадая в ткань научного повествования, постепенно теряют свою яркость, превращаются в штампованное средство выражения авторской субъективной оценки. Выделяется группа прилагательных *широкой семантики* (Ibid., с.47; курсив – наш), обозначающих положительную эмоциональную оценку: *marvellous, wonderful, striking, splendid* и т.д. Эти прилагательные используются для положительной оценки трудов ученого; для оценочной характеристики объекта исследования; для описания научного эксперимента”.

Итак, переход от “узкой” к “широкой” семантике. Ход рассуждения автора понятен: высокая частота употребления → клишированность словосочетания → потеря образности прилагательного → употребление в самом общем значении *одобрения* или *неодобрения*.

Что можно возразить по этому поводу? Основная наша мысль заключается в том, что в результате *может быть выпущена из виду реальная картина* и, следовательно, вывод может быть сделан либо частично правильный, либо совершенно неправильный, *так как анализ текста на любом уровне должен непременно учитывать просодию*. Автор не может не понимать, что интонация имеет достаточно важное значение. Эту истину она признает на с.21, где отмечается, что “эмоциональная окрашенность часто возникает в силу специфического характера контекста и в большей мере определяется интонацией, которая может аффективно окрашивать слова, вводя их таким образом в состав эмоциональной лексики”.

Понятно также, что анализируя слова и выражения научного стиля, автор, естественно, хочет получить далеко идущие *широкие обобщения*, но сделать эти широкие обобщения при игнорировании просодии оказывается просто невозможно. Само понятие *широкой семантики*

страдает неточностью, потому что на самом деле все сводится к тому, что эмоциональные слова используются в качестве общих оценок “хорошо” / “плохо”. Правильнее было бы говорить о широте семантики, когда речь идет о *многозначности* (полисемантической) слова. Например, многозначное само по себе слово “brilliant” может означать “ослепительный” и “умный”. Тогда же, когда к значению слова “brilliant” добавляется значение “very good”, можно говорить о *расширении* семантики, потому что в этом случае к более конкретным значениям добавляется более общее значение.

С точки же зрения Н.М. Разинкиной, ни *восхищение*, ни *ужас* уже более таковыми эмоциональными состояниями не являются, а являются выражением нейтральной положительной или отрицательной оценки. Автор подчеркивает, что такие слова, как “wonderful”, “great”, “striking”, “excellent”, “beautiful”, “magnificent” и т.д. являются синонимичными в смысле выражения общей семантики “very good”. Разница заключается лишь в широте круга сочетаемости, которая отличается, например, у слов “wonderful” и “great”. *Фактически утверждается, что эмоциональность слова снята, несмотря на формальное признание роли интонации (просодии).*

На самом же деле это не совсем так, потому что если мы хотим подчеркнуть семантику какого-то слова, мы должны воспользоваться определенными просодическими средствами: использовать, например, падение с удлинением выдержки [к], как в случае: “Mr. Harries’s little volume affords a striking contrast to the preceding work, both in its elegant get-up and *excellent* illustrations”. Темп выделенного слова замедлен, диапазон расширен и повышен, присутствует легкая делабиализация, т.е. выражено восхищение. Таким образом, можно говорить об *обобщенном значении*, это справедливо, но не имеет отношения к *широте* семантики. Скорее всего, здесь следует говорить о ее *узости*, потому что вместо того, чтобы употребить «wonderful» или “excellent” или любое другое оценочное слово со значением восхищения, умиленности или восторга, оно используется в значении самой *обобщенной* положительной оценки.

Так, например, если мы возьмем предложение “Several times, since I had the pleasure of witnessing this *wonderful* change [...]” говорящий без сомнения находится под большим впечатлением от увиденного и услышанного, и это отражается на просодии с самого начала предложения. Семантика прилагательного “wonderful” здесь окрашивает весь контекст и мы не можем говорить об обобщенной оценке “very good”. Здесь, ско-

рее, выражение *умиленности* (приближение к *лирическому* тембру), как это явствует из более широкого контекста (Ibid.c.21). С другой стороны возможна и *нейтральная* просодия, например: “The movements of the tongue /.../ are of very great importance also in aiding mastication, since its wonderful tactile sensibility enables us to feel for and thrust back between the teeth portions of food which have escaped their action”. Здесь, однако, можно возразить против авторского отождествления оценки “*wonderful*” в обобщенном смысле “very good”, поскольку может возникнуть семантический оттенок “very delicate” (“чрезвычайно тонкий”), а не “very good tactile sensibility”.

И в случае многих других примеров, использованных автором, следовало бы говорить, что эти прилагательные могут фигурировать как в конкретном эмоциональном значении, так и в качестве синонима *нейтральной оценки* “very good”.

Проиллюстрируем это положение еще одним примером, когда, с одной стороны мы пользуемся абсолютно нейтральной просодией и не выражаем ничего кроме *общей положительной* оценки: “The bees then, with *admirable* prevision, forbear to risk all the future of their community on one hope of a queen(c.43)”. С другой стороны, используя те или иные просодические средства, мы можем выражать *дополнительное* значение, например, *почтение*: “The loveable history of these stomapods has been one of the most puzzling problems in morphology and the very *admirable* researches in class have been the only guide.”(c.43) Здесь темп замедлен, громкость понижена, проявляется *фатическая* функция, выражение же подлинного восхищения отсутствует. Этот же текст мог быть озвучен достаточно *небрежно*, чтобы подчеркнуть лишь чисто *внешнюю вежливость*.

До сих пор речь шла о просодическом выражении *положительных* эмоций. Вместе с тем, можно привести примеры, свидетельствующие и о выражении *отрицательных* эмоций: “Notwithstanding its *ambitious* title, this is, on the whole, a satisfactory book”.

Как видим, главной характеристикой данного предложения выступает уравновешенность оценки: “satisfactory”. И именно эта оценка определяет нейтральную просодическую окрашенность всего высказывания. Слово “ambitious” не обязательно должно быть окрашено отрицательной эмоцией. “Ambitious title” употребляется в значении заголовка монографии, претендующей на обсуждение чрезвычайно важных проблем, то есть фактически все предложение в целом передает “взвешен-

ную” оценку, которую можно свести к следующей: “Это вполне приемлемая книга, она заслуживает внимания”.

2. Сужение семантики

Приведем еще один пример, когда делается попытка широкого обобщения без учета реальной просодии. Автор книги выдвигает гипотезу, что прибавление “very” теоретически является излишним, потому что элементы типа “striking” или “brilliant” уже сами по себе достаточно экспрессивны. Но, поскольку Н.М. Разинкина часто наблюдает подобные факты, желание обобщить наблюдения такого рода и сделать на их основе далеко идущий вывод приводит ее к мысли о том, что введение “very” обусловлено тем, что частая “десемантизация” прилагательных переводит их в разряд недостаточно выразительных.

Можно вполне согласиться с автором, что в приведенных ею примерах слово “very” призвано действительно усилить “эмоциональное воздействие” прилагательного “striking”, но возникает, естественно, вопрос, в чем, собственно, заключается эмоциональное значение этого слова. Если, как можно предположить на основе словарных примеров, передается лишь высокая степень чувства (ср., например, со словом “remarkable”), то последнее будет зависеть полностью от контекста и/или просодии – выражаемая же эмоция может быть как положительной (striking beauty), так и отрицательной (striking discrepancy). Так что слово “striking” в силу своих семантических особенностей явно выпадает из ряда таких прилагательных как “marvellous”, “wonderful” и т.п. Ничего удивительного, следовательно, нет в том, что “высокая степень” качества может быть в каких-то случаях *еще выше* (“far more striking” Ibid., с.138), *не столь высокой* (“not so striking”, Ibid., с.138) или *наивысшей* (“the most striking result”, Ibid., с.137). Например: “Among the most striking of the recent rapid advances of science is the development of what we may term bacteriology.” (Ibid., с.50)

Иногда появление “very” можно объяснить требованием *сбалансированности ритма*. Например: “[...] the difference of size | between the infected and noninfected worms | was very striking” (Ibid., с.51). Повторение мелодического контура “ ровный тон + кинетический тон” создает ритмический баланс.

На наш взгляд необходимо было бы провести специальный анализ образцов речи и выяснить, не привносит ли “very” *дополнительного отрицательного значения* в каких-то случаях. Может оказаться, что в случаях гиперболоизации нередко реализуется *знантиосемия*, например:

“The evidence of what is really *a very beautiful theory* fails to carry conviction to us. Doubtless our “threshold of sensibility” has gone wrong in some unaccountable way, and we have not enough of the subject on this side of it to estimate the pearls of transcendentalism at their true worth”(Ibid., с.123).

При энантиосемии слово употребляется в положительном смысле, а потом все это с помощью просодии переводится в отрицательную плоскость. Анализ материала должен производиться, конечно, особенно тщательно, так как подключение реальной просодии может изменять семантику высказывания и в обратном направлении. Так, например, слово “somewhat” обычно (согласно автору сужает значение слова), в то время как при произнесении сочетания “somewhat striking results” с соотвествующей просодией возникает (точнее, может возникнуть) не *ослабление*, а *усиление* положительного значения, так как “somewhat striking” становится синонимичным “unexpectedly striking”.

Итак: “широта семантики”, нейтрализация эмоционального значения слов в научной речи, на которые указывает автор, вовсе не означают, что в научной речи *нельзя ставить вопрос о просодических образах*, т.е. тех или иных отступлениях от нейтральной просодии, которые или подчеркивают значение слова, или вступают с ним в конфликт, или передают какие-то самостоятельные, *дополнительные* “значения”.

3. Роль сравнений в научной речи

Мы рассматривали пока в основном случаи употребления *прилагательных*, но наш вывод о роли просодии (и при желании это можно было бы легко показать) справедлив и в отношении всего материала, анализируемого автором. Любопытно, что, когда Н.М. Разинкина, напротив, стремится *подчеркнуть роль эмоций*, то просодия, насколько мы можем судить, явно должна быть нейтральной. Так, например, в конце книги, ссылаясь на Ш. Балли, автор пишет: “Во всех случаях употребления речевых сравнений автор проявляет свое эмоциональное отношение к описываемому, ибо образ обладает эмоциональными оттенками: *он действует на читателя* (слушателя) в силу своей чувственности и конкретности; он живо представляется воображению и затрагивает чувства именно *потому, что действует на воображение* (Ibid., с.127).(11)

Остановимся отдельно на роли метафор и сравнений в тексте лекции. Очень часто оказывается, что просодический образ как бы неуместен. Во фразе “If we look upon heat as the rhythmic dance of the atoms”(Ibid., с.127) мы ограничиваем сравнение с помощью условного предложения (“if [...]”), и в этом заключается наша научная точность и

сдержанность. Мы как бы говорим: это условность, не подумайте, что так все и есть на самом деле. Это предохраняет нас от отождествления нашего сравнения с реальной картиной. Поэтому было бы неправильным изображать танец атомов с помощью вариаций тона.

Аналогичную ситуацию наблюдаем в предложении: “The threshold of sensibility may be linked to the lid of the box from which the Jack of memory leaps, and upon the closure of which forgetfulness ensues”(Ibid., с.126). Было бы по меньшей мере странным, если бы мы попытались просодически изображать описываемые действия, это могло бы отвлечь наше внимание от *условности* данного сравнения.

Мы, разумеется, не хотим сказать, что любое *когнитивное* сравнение непременно произносится с нейтральной просодией; единственное, что мы хотели бы подчеркнуть, это то что выводы относительно эмоционально-оценочной лексики без учета реальной просодии имеют весьма шаткое основание.

Вполне естественно, (поскольку нашей конечной целью является *преподавание* иностранного языка), что переходя от звуковых образов в художественной литературе к их роли в научной речи, для нас на первый план выходит вопрос, требующий самого пристального внимания, это выяснение того, каким характеристикам должна соответствовать речь *профессионального лектора*. Без проведения специальных исследований сейчас можно в самом общем виде дать ответ лишь от противного: лектор не должен производить впечатления безучастности, безразличия к обсуждаемому им предмету, то есть интонационное оформление произносимого им текста (независимо от фактора спонтанности или подготовленности лекции) не должно быть монотонным. С другой стороны, оно не должно свидетельствовать и о стремлении подчеркнуть свое превосходство над слушателем. Следует подчеркнуть, что, хотя выяснением того, каким должно быть интонационное оформление текста в каких-то частностях и как оно должно выражать отношение лектора к предмету обсуждения в целом, кафедра занимается на протяжении многих лет (и сделано было уже не мало), мы еще далеки от того, чтобы предложить вполне конкретные и достаточные рекомендации по этому вопросу преподавателю-филологу, в особенности, с точки зрения интересующего нас *соотношения внутренних и внешних образов*.

В самом общем виде можно сказать, что внутренние образы, возникающие в речи лектора, будут создавать определенный “имидж” того или иного лектора. Другими словами, если в речи лектора преобладает патетическая просодия, то это означает что он “болеет” за свой предмет,

считает, что он чрезвычайно важен. И хотя Н.М. Разинкина, по непонятной причине, считает важным подчеркнуть “разговорную сферу” (т.е. *обычного* разговора, а на самом деле обсуждает примеры *научного общения*) ее выражение “повышенный эмоциональный фон” (Ibid., с.56) хорошо *передает наиболее распространенный*, как можно предположить, фон лекции. Например: “The fascinating hypothesis of Darwinism has ... so completely taken hold of the scientific mind ... that almost the whole of our rising men of science may be classed as belonging to this school of thought.”(Ibid., с.47) или: “Doctrines akin to these (that life is due to the manifestation of a “vital principle”) having been already proclaimed and disseminated ... it cannot be a matter for surprise that the brilliant demonstrations of Redi should have had a great influence in their time.”(Ibid., с.49)

Точнее, конечно, было бы сказать, что в обоих случаях мы наблюдаем *приближение* к патетической просодии, и ее признаки (12) наблюдаются на протяжении каждого высказывания в целом (а не на отдельном участке). Преобладание же *лирической* просодии свидетельствует о том, что лектор коммуникабелен, легко устанавливает контакт с аудиторией и т.д. Например: “Are we searching for some inner truth that will lead us to the origin of life, or are we, like the man who spends his week-ends working out the crossword puzzles in his Sunday paper, exercising our minds in a scientific game because we have nothing better to do?(13)” или: “May we not conjecture that in its native climate the Chimonanthus is abundantly cross-fertilised by the agency of insects, attracted by its delicious scent, in a similar way to our Grass of Parnassus.”(Ibid., с.49)

Но когда лектор переходит к полемизированию, то, как это уже было показано в публикациях кафедры, он довольно часто *изображает* оппонента. И вот здесь уже наблюдается прямая параллель с литературой, потому что образ оппонента будет создан настолько ярким, насколько лектор владеет актерским мастерством. Например: “We tried on this and other occasions a contrivance of Mr. Easton ... The contrivance, admirable in a theoretical point of view, was found impracticable(Ibid., с.49)”.

Конечно, эту фразу можно произнести и практически нейтральным тоном, но можно и с “подковыркой” в буквальном смысле этого слова, например, с восходяще-нисходящим тоном на слове “admirable”(авторская ирония получает в этом случае просодическое выражение). Псевдопатетический тембр соответствующей синтагмы создал бы образ *завнавшего* оппонента.

Приведем еще примеры: “When Prof. Huxley says, however, after a tragical metaphor, “It must be admitted that the experiments and arguments

of Spallanzini furnish a complete and a crushing reply to those of Needham”, I will only say that i cannot agree with him.”(Ibid., с.21); “The figure on p.72, it may be noticed in passing, does not strike us as very happy.”(Ibid., с.21)

Если во втором случае вместо сочувствия можно выразить ироническое отношение автора к описываемому факту (особенно, когда “very” и “happy” произносятся с восходяще-нисходящими тонами), то в первом случае использование псевдо-элегического тембра помогло бы заострить авторскую иронию, поскольку был бы создан образ *отчаяния* оппонента.

Еще несколько примеров: “So many possible ways had been shown of explaining anomalous dispersion that it was mere child’s play (or fiddle-playing) to discuss it while the burning question of double refraction awaited explanation.”(Ibid., с.113)

Здесь можно было бы изобразить *тщательность* усилий оппонентов, с точки зрения автора требуемую совсем в другом направлении.

Аналогичный образ возможен и в таком примере как: “The course which he (Bacon) marked out so laboriously and so ingeniously for induction to follow was one which was found to be impracticable, and as barren of results as those deductive philosophies on which he lavished his scorn.”(Ibid., с.95)

В нижеследующем примере, напротив, выражается *безразличие* или даже *пренебрежение*: “The search for the origin of life is clearly in the hands of the chemists and physicists and they are seldom interested in the wilderness that is bacterial taxonomy.”(Ibid., с.118)

В той же части лекции, где лектор говорит “от себя”, образ может быть совершенно другим – подчеркнуто сдержанным, серьезным, или, наоборот, в той или иной степени эмоциональным. Таким образом, эти два совершенно разные аспекта интонационного оформления будут присутствовать практически в любой лекции.

Поскольку Разинкина много говорит о таких *типичных* признаках научного стиля как “*шаблонность*” словосочетаний и “*тусклость*” эмоциональных значений, посмотрим в какой степени это применимо к просодии лекционного регистра, к просодическим внешним и внутренним образам.

Действительно, просодические образы (как мы можем предположить) будут, вероятно, иметь более шаблонный характер в лекции по сравнению с художественным чтением. Кроме того, и выраженность этих образов в лекции по сравнению с их выраженностью в тексте художественном будет, вероятно, слабее. Но какие-то просодические образы должны в лекции все равно присутствовать.

Здесь можно было бы провести параллель с соотношением художественной литературы и поэзии: в последней просодические образы будут выражены в большей степени, чем в прозе. Однако чтение поэтического текста будет богаче образами только в том случае, если мы имеем дело с подлинно художественным, выразительным его чтением, а не с той характерной монотонной и крайне странной “авторской” манерой, часто вообще лишенной выразительности. При действительно художественном чтении поэтического текста не только звуки сегментного ряда обнаруживают присущую им символику, но и просодия текста тоже служит тем же целям, рисуя образы более яркими красками.

Итак: в то время, как в художественной литературе образы “работают” на раскрытие идейно-тематического содержания, в регистре лекционного общения они создают имидж говорящего. Умение читать лекцию несомненно предполагает умение произвести дополнительное впечатление, создавая тот или иной образ с помощью определенных просодических приемов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О том, как именно следует понимать нейтральность просодического выражения, немало было сказано в книге *An Outline of English Phonetics* под редакцией *О.С. Ахмановой и Л.В. Минаевой*. См. так же: *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. М., 1984; *Магидова И.М.* Теория и практика прагмалингвистического регистра английской речи. Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1989; *Дечева С.В.* Когнитивная синтактика. М., 1998; *Давыдов М.В., Яковлева Е.В.* Основы филологического чтения. М., 1997 и др.
2. Работа опубликована практически в одно время с работой *Н.М. Разинкиной* (М., 1974).
3. *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. М.-Л., 1934. Т. 2. С. 57.
4. См.: *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. Л., 1981.
5. Там же. С. 63.
6. *Томашевский Б.В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959. С. 21.
7. *Щерба Л.В.* Современный русский литературный язык // РЯШ. 1939. № 4. С. 19-20.
8. *Ризель Э.Г.* Полярные стилевые черты и их языковое воплощение // Иностранные языки в школе. 1961. № 3. С. 97-103.
9. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937. С. 145.
10. *Грот Н.Я.* Еще по поводу вопроса о психологии чувствований. Киев, 1881. С. 1,3.
11. См.: *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961. С. 32.
12. *Давыдов М.В.* Звуковые парадоксы английского языка и их функциональная специфика. М., 1984.
13. См.: *Разинкина Н.М.* Указ. соч. С. 127.